

Юрий Эрвье: человек, любивший солнце

«Как-как? Повторите, пожалуйста, аббревиатуру?» - раздалось на том конце провода. Пауза получилась неловкой. Мы звонили в офис крупной тюменской нефтяной компании и, признаться, были весьма озадачены. В самом деле, как объяснить юной секретарше, что это такое – ЭРВЬЕ?

Француз

«Приехав и поселившись в России в 1850 году и проживая все время среди русских людей, я настолько с ними сроднился и полюбил Россию, что в 1896 году принял подданство России и согласно своему желанию причислен к обществу податных обывателей г. Тифлиса. Еще до принятия мною подданства России, я в течение почти полувекового пребывания в России, имел счастье оказать некоторые услуги своему новому отечеству» - этими словами начинается письмо Жана Франциска Эрвье, адресованное императору Николаю II.

Потомок французских эмигрантов, осевших на южной окраине Российской империи, наш герой унаследовал от своего деда не только благородную фамилию, но и весьма необычное для советского геолога двойное имя – Рауль-Юрий. Впрочем, сто лет спустя от далёкого прошлого остались лишь воспоминания в виде старых фотографий, да писем на французском языке в семейном архиве. На снимках 1920-х годов сын Георгия-Маврикия выглядит как обычный мальчуган с южной, скорее еврейско-молдавской, нежели европейской внешностью.

Юрий Георгиевич (так отныне мы будем его для краткости именовать) родился в Тифлисе¹ 16 (по старому стилю – 9) апреля 1909 года в семье учительницы и автомеханика. «. Родители разошлись, когда мне было два года, и я жил то с отцом, то с матерью, а больше с бабушкой по матери», - вспоминал он позднее. Первые записи в трудовой книжке также не слишком впечатляют: помощник мыловара в Тифлисе, грузчик в батумском порту, приемщик семян на хлопкоочистительном заводе в Ургенче... Окончив в 1927 году рабфак, Эрвье уезжает на крыше вагона в Узбекистан, где успевает поработать даже завмагом в Термезе. Однако азиатский климат не лучшим образом подействовал на здоровье 20-летнего юноши – Юрий заболевает малярией и отправляется в Ленинград с надеждой на осуществление своей давней, заветной мечты: поступление в Горный институт.

«Геология привлекала меня с детства..., - вспоминал он годы спустя, - Но, увы, я опоздал: приемные экзамены закончились. Правда, мне все же повезло... В Ленинграде я встретил хорошего человека из южного приазовского городка Мелитополя. Он работал в геологической партии. Поехал я в эту партию подсобным рабочим. С тех пор и началась моя кочевая жизнь геолога».

Геолог

Буровой рабочий, старший буровой мастер, начальник железорудной партии – в те годы Эрвье объездил, исходил ногами всю Украину, осваивая азы геологического ремесла. В 1933 году он с отличием окончил Высшие инженерные курсы геологоразведчиков, после чего получил право официально именоваться «инженер-геологоразведчик». Тогда он ещё не знал, что пройдёт не так уж много времени и разведку придётся проводить в самых настоящих фронтовых условиях...

С началом Великой Отечественной войны 32-летний Юрий Эрвье был мобилизован и назначен командиром отдельного отряда глубокого бурения в осаждённой Одессе. В конце августа фашисты захватили головные сооружения водопровода и город перешёл на снабжение из подземных источников. Надо ли пояснять, что означали эти скважины для города, где солоноватая питьевая вода выдавалась по талонам? При помощи трёх передвижных буровых станков и простейшего ручного инструмента отряд Эрвье пробурил и

¹ Так до 1936 года назывался г. Тбилиси.

восстановил 58 колодцев, глубина которых достигала 40 метров (артезианские скважины – более 120 метров).

К середине октября стало ясно, что город придётся оставить. Ночью головная часть отряда с оборудованием эвакуировалась на танкере «Серго» в Севастополь, а оттуда – в Новороссийск. По дороге их дважды бомбили, но обошлось без потерь. Из 86 членов отряда Одессу смогли покинуть только 31, судьба остальных навсегда осталась неизвестной. В те дни Юрий Эрвье завёл свой фронтовой дневник – чёрную тетрадь, сегодня хранящуюся в Тюменском музейном комплексе имени И.Я. Словцова, как и сотни других документов семейного архива Эрвье.

Юрию Георгиевичу повезло – он выжил в той страшной войне и смог продолжить работу геолога, главное дело всей своей жизни. А, может, это нам повезло, тюменцам? Ведь всего полвека назад, приехав в наши края, он встретил совсем другую Тюмень...

Тюменец

«Сразу от аэропорта потянулся пустырь, затем унылые склады-бараки за проволочным заграждением, за ними – одноэтажные деревянные дома с глухими заборами. Нефтеразведка располагается в конце улицы Республики, на Минской, рядом... с кладбищем. Повсюду знакомым. Сколько раз приходилось организовывать партии и экспедиции, и почти всегда место для базы отводилось на выезде из города или села, вблизи... кладбища», – напишет позднее Юрий Георгиевич. Сегодня в этом районе улиц Минской, Котовского, Киевской трудно разглядеть тот прежний квартал геологов, да и сама Тюмень приобрела иной, столичный облик.

Прогулка по центру города также произвела на Эрвье не слишком ободряющее впечатление. «Сразу же за зданием универмага, налево – пустырь, направо – старый, покосившийся забор, за которым – базар с деревянными павильонами, полууснувшими ларьками и палатками, дальше – стоящееся здание – машиностроительный техникум, за железнодорожным переездом асфальт сменила булькаящая мостовая с рытвинами, вдоль которой, ближе к домам, – деревянные мостки-тротуары со щелями и поломанными досками. По обеим сторонам улицы – деревянные домики, большей частью вросшие окнами в землю, покосившиеся – старина и ветхость».

На календаре был 1955 год. Трест «Тюменнефтегеология», главным инженером которого был назначен Юрий Георгиевич, только становился на ноги. Поиски нефти и газа велись на огромной территории от Казахстана до Ямала, учёные по-прежнему спорили о перспективах нефтегазоносности Западной Сибири, а о местах с диковинными названиями Самотлор, Уренгой и Шайм не слышали даже специалисты.

Здесь ему предстояло возглавить поистине гигантскую даже не по советским – по мировым меркам – организацию, имя которой потомки и сто лет будут повторять с почтением: Главтюменьгеология. Молодым тюменским геологам, порой свысока взирающим на деяния своих предшественников, почаше следовало бы вспоминать слова академика И.И. Нестерова о том, что в сравнении с этим главкомом даже такие мировые гиганты как АМОКО, Shell и British Petroleum выглядели жалкими карликами.

Управлять крупной компанией – это искусство, руководить 100-тысячным коллективом – дар. И Юрий Эрвье этим даром обладал сполна. Требовательный, порой очень жёсткий, но при том внимательный и всегда справедливый, он был не только начальником, но и лидером, заряжавшим своей энергией и любовью к делу. «Прекрасная зеленовато-коричневая, с золотистой пеной ароматическая жидкость. Разве могут сравниться для нефтяника с запахом нефти любые самые дорогие духи!» – это слова не «менеджера» от геологии, а настоящего, прирождённого геолога.

Эрвье приехал в Тюмень в 1955 году, а покинул её в 1977-м, после назначения на пост заместителя министра геологии СССР. За эти два с небольшим десятилетия на территории области было открыто более 250 месторождений. Самотлорское, Мамонтовское, Усть-Балыкское, Уренгойское, Медвежье, Заполярное, Ямбургское – то были не просто нефть и

газ. Тюменская область, а с ней и всё наше Отечество получили уникальный шанс сопоставимый разве что с чудом второго рождения. А уж как им воспользовались потомки – это совсем другая история...

«Тюмень превратится в большой, за миллион жителей, красивый чистый город с одним из лучших в стране аэропортов – воротами Сибири, с новыми парками, музеями, с хорошим оперным и драматическим театрами», - предсказывал Эрвье в 1966 году. Юрий Георгиевич скончался в Москве 8 августа 1991 года, менее чем за две недели до путча и за четыре месяца до распада Советского Союза, народу которого он служил всю свою жизнь. Тюменцы не забыли своего великого соотечественника – в центре города, возле здания Главтюменьгеологии установлен памятник Юрию Георгиевичу, имя его носит улица в одном из новых районов, а в музее «Городская дума» в апреле открылась посвящённая ему выставка. Но сегодня мы хотим, пожалуй, впервые показать людям другого Эрвье – не только мудрого руководителя, но и сердечного, любящего, откровенного человека, каким им его знали только самые близкие люди. Перед вами – строки из писем и фронтового дневника Рауля-Юрия Георгиевича Эрвье.

Обязательно!

Редакция благодарит ГУК ТО Тюменский музейный комплекс им. И.Я. Словцова и в частности научного сотрудника О.В. Парёнкину за помощь в подготовке публикации и предоставленные материалы.

Дневник

Давно возникшую мысль о ведении дневника с отображением всех близко касающихся меня событий со дня начала войны, никак не мог провести в жизнь. Однако теперь, когда я имею больше свободного времени возможность более трезво взвесить и запечатлеть на бумаге события, я решил серьезно взяться за это и не бросать до окончания этой мировой трагедии.

22 июня 1941 г.

Замечательное, тихое, солнечное утро, сборы на море с Ксенией² и Юриком³. Работа в саду. Около 12 часов к забору подошел Володя Ляховецкий и сказал, что только что говорил Молотов о немецком выступлении, и что через несколько минут слушали повторную речь. Меня как громом ударило, до того неожиданно для меня это было. Я ожидал нашего выступления, но не раньше августа, об этом можно было судить по многим факторам, однако, выступление немцев было подобно грому в чистом небе. На дядю Спиру известие произвело еще большее впечатление. Он сразу схватился за голову, вбежал в дом и зарыдал. Огромное впечатление произвела война на Ксению. Она плакала вместе с дядей Спирой. У меня тоже сжалось сердце. Мысль: сколько жертв. Сколько обездоленных семей, сколько потерь в промышленности, так дорого доставшейся нам - боль. Сверлила мысль. Но лишь одно, что в конечном итоге мы вместе выйдем из этого положения, хоть и с большими потерями, несколько сглаживало впечатление. Социальное бедствие - нет войне имени.

Совместным советом мы решили послать Юрика к бабушке в Кировоград, все же дальше на 250-300 км от границы.

23 июня 1941 г.

С утра спокойно, днем несколько тревог. Самолетов противника не видно. Окончательно решили отправить Юрика с подругой Ксенией. Очень трудно достать билет, все

² Ксения Васильевна Эрвье (1911-1996), супруга Юрия Георгиевича.

³ Юрий – старший сын Эрвье.

приезжие кинулись из города домой, кроме того, вокзал забит военными, которые , естественно, уезжают по местам в первую очередь. На службе некоторая паника.

Вечером, часов в 10. снова налет без бомбажки. Прожектора так осветили небо, что на дворе стало совсем светло. Непрерывно, в течение 10-15 минут стреляли зенитки, но снова без результатов. Днем за городом наши истребители посадили два самолета. Настроение неважное. Дядя Спира⁴ не ночевал, он склонен думать, что война закончится до Октябрьских праздников. Я думаю, что не ранее 2 лет.

Вечером тревога, над городом неприятельские самолеты, темно, облачно, более 10 прожекторных лучей ищут, но неудачно. Открыли интенсивный огонь зенитки. Бомбажки не было. Беспрокайная ночь. Стрельба зениток повторялась до 11 часов ночи.

На все времена войны решил раз и навсегда: от смерти не уйдешь, а где она настигнет и как произойдет - все равно. Дальше я убедился, что был прав.

26 июня 1941г.

Сегодня утром, вернее в 2 часа дня уехал Юрик. Я попрощался с ним в 12 часов. Было ощущение потери жизни. Никогда я не прощу себе эту глупость. Послав его в Кировоград, мы совершили непоправимую ошибку. Прощаясь, я отвел его в сторону, посадил на вокзальном палисаднике рядом с собой и сказал следующее: «Юрик, сынок мой, не знаю, удастся нам встретиться, либо нет, но при всех обстоятельствах помни и обещай мне любить Родину, Россию и народ и сделать все лишь в пользу этим трем представляющим одно целое, и быть верным своему государству». И этот маленький 8-летний мальчик, посмотрев мне в глаза своими черными, с синими белками серьезными глазенками, ответил: «Да, папочка, буду помнить и делать только полезное Родине и народу».

Я подвел его к матери, поцеловал и ушел не оборачиваясь. Я рыдал внутренне и боялся, что если останусь на секунду, то не смогу сдержать слез.

Надеждой жив человек, будем жить надеждой и мы.

28 июня 1941г

Получил телеграмму из треста об отмене отпуска (впервые за 12 лет должен был идти в отпуск). Ксеночка нервничает: доехал ли Юрик. Есть сведения, что обстреливают поезда и бомбят. Многие пытаются нелепыми слухами. Сводки Информбюро неутешительны.

7 июля 1941 г.

Очень многие уезжают. Некоторые много говорят и удирают без всякого стыда, сволочи. Создают панику и местные власти: НКВД, ж/д и другие вывезли свои семьи. Сведения с фронта неутешительные.

18 июля 1941 г.

У всех нервное состояние. Из Тирасполя поездом приезжал Шамис. Рассказывал о сдаче и последних днях Кишинева. Сообщил, что немцы-румыны заняли Бендера. Уехал в Днепропетровск, якобы на формирование Коммунистического корпуса (не верю - бежал). В Одессе паника полная паника: бегут ответственные работники многих учреждений и промышленных предприятий. Получают в банках деньги и удирают. НКВД работает слабо. Особенно бегут евреи: они знают больше через различных людей. Государственные и военные тайны хранятся плохо. Слухи опережают официальные распоряжения. Кто виноват? Люди, которым доверяют и которым доверять нельзя.

10 августа 1941 г.

Сегодня ходили в штаб и в исполком, где было вручено предписание о формировании отряда глубокого бурения при отделе инженерных войск Южфрона.

---

⁴ Спиридон Степанович Четаков – одесский друг семьи Эрье.

11 августа 1941 г.

С сегодняшнего дня я призван в действующую Армию в качестве гидрогеолога отряда. На первых порах придется заворачивать многими делами, в армейских делах многие ничего не знают. по штатному расписанию, составленному в Штабе Приморской армии, отряд должен был состоять из 198 человек, из которых 22 человека старшего и среднего начсостава и человек 40 младших командирских должностей.

14 августа 1941 г.

Сегодня грустно, как никогда. Сообщили об оставлении Кировограда. На уме только Юрик. Что с ним? Вот первая хорошо ощущимая потеря. Мне очень жаль Ксеночку. Она очень тяжело переживает эту разлуку, ведь на них обоих и на взаимную любовь с Юриком, нельзя было наглядеться. Страшно и одиноко без горячей, дружеской поддержки женщины. Одна надежда на ее свойство, я бы сказал, настоящей русской женщины-героини: не терять мужества в плохие минуты жизни и стойкости в горе.

25 сентября 1941 г.

Все дни с 17 по 21 – жестокие бомбёжки. Я не из трусивых, но каждый вечер, наблюдая налеты и слушая заунывную музыку сбрасываемых мин ивой бомб с последующими взрывами и заревом пожаров. Все это сопровождалось интенсивным огнем наших зениток, пулеметов с непрерывным потоком трассирующих пуль и снарядов. Одновременно освещается все небо широкими и узкими лучами прожекторов. От этого всего становится как-то жутко. Картина красивая, но потрясающая.

Наряду с этим сколько жертв. Все бомбы падают, в основном, в центре. Все жители выбрались за город, в Аркадию. Очень многие живут в катакомбах. Ночью слышна отчетливо пулеметная и минометная стрельба. Враг наступает особенно упорно на Дальник – Татарку - Нерубайск. Бои ожесточенные. Днем лезут они, несут большие потери и останавливаются. Ночью мы ведем артподготовки перед рассветом или ночью же контратаками выбиваем их, вновь нанося большие потери. Вначале у них кроме тройного - четвертного превосходства в людях было превосходство в огневых средствах, в основном минометов, автоматов и танках. Сейчас мы тоже наделали в Одессе минометы и успешно применяем их. Кроме того, из тракторов на заводе Октябрьской революции делаются подобие танков, которые хотя и тихоходны и не совсем усовершенствованы, однако наносят врагу значительный урон и сеют панику. Хорошо помогают отражать врага военные суда, они крейсируют от Ланжерона до Большой Фонтанки и ведут огонь то одним, то другим бортом. Стреляют метко. На днях был в Аркадии и наблюдал последовательный налет на наш лидер «Ташкент» вражеских самолетов. Гуськом, один за другим, 8 самолетов бросали на него бомбы. Однако он все время не прекращал стрельбы. Одному из стервятников удалось все же попасть ему в корму и незначительно повредить его. В Аркадии и Большой Фонтанке строятся временные пирсы. Мы проводим там водопровод от источников.

Почему-то слишком мало уверенности, что мое письмо дойдет до Ксаночки. А жаль. В него вложил много души. Лишь бы только Вы были живы и здоровы, а мой удел – борьба и если придется, то и смерть за нашу родину, за свою родную землю, за нашу добытую кровью победу.

11 октября 1941 г.

Солнце! Как я его любил и люблю всю жизнь. Солнце! Сколько воспоминаний и тепла ты несешь с собой. Солнце – это жизнь. Уж если суждено умереть, то хоть последний взор кинуть на тебя, солнце, а не на это серо-зеленое, неприятное море, которое можешь украсить только ты. Много раз в жизни я призывал тебя и ты всходило, вселяя в меня бодрость и жизнь – ты, мать земли и всего живого на ней. И вот из-за видимого низкого

Добавлено примечание ([С.Л.1]): это надо как-то выделить, чтобы перекликалось с названием

крымского берега в нешироком промежутке предвосходных туч брызнули яркие, ослепительные лучи солнца, и через мгновение оно величественно выкатилось из-за горизонта. Это была жизнь! Это было огромное красное настоящее солнце! Сразу стало бодрее - в меня вошла какая-то уверенность, что все окончится хорошо. За жизнь я уже не боялся – я знаю, что день, когда я умру, будет пасмурным.

12 октября 1941 г.

Я первый раз в Севастополе. Бухта с окружающими ее лесистыми, довольно высокими горами, с многочисленными заливами, производит большое впечатление - очень красиво. Город виден в утренней дымке. На левой стороне различные военные сооружения и стоянка гидросамолетов. Все время вверху кружат патрульные самолеты. Сам город ничего особенно не представляет. Здания маленькие, улицы узкие, но чистые, зеленые.

19 октября 1941 г.

В порт вошел и встал на причал в иностранный дворик красавец теплоход «Волга». Погрузка шла полным ходом. Над портом все время кружились 2 наших истребителя, но вот они пошли на посадку, и через несколько минут налетела стая вражеских хищников. Начался сильнейший обстрел с суши и моря. Стреляли все: суда и береговые батареи. Стреляли просто бойцы из винтовок и пулеметов. Вот два самолета над нами. Видно, как из от одного из них отделяется свинья-бомба и с глухим воем и свистом летит к земле - многие бегут. Укрытий нет - ложатся просто на землю. Я стоял под карнизом склада. Какой-то боец хватает меня за полуавтомат и кричит: «Тов. Капитан, стреляйте! Ведь у Вас это как пулемет». Я срываю винтовку и беру поправку. Одна из бомб падает в 100 м от носа танкера (она попала на ж.д. полотно). Вагона как не было - рельс тоже. На их месте зияла воронка диаметром в 15 м. Выступила вода так, что дна не было видно (это в песчаном грунте). Только успели немного прийти в нормальный вид и продолжить погрузку, как вновь налет, снова бомба падает недалеко от нас – в воду между нами и «Волгой».

19 октября 1941 г.

Ночь темная. Пришвартовываемся с опозданием в 10 часу. Так закончилась моя жизнь в Одессе, где прожил очень хорошо и счастливо с января 1937 г. За это время я полюбил город (не людей), привык к нему и смотрел как на родной. Грустно, очень грустно, даже при таких обстоятельствах расставаться с последним, что у меня осталось родным, связанным со столькими воспоминаниями. Жаль многоного, но что же делать? Война! Но я не закончил жизнь вообще. Я жив и я вернусь сюда, если только провидение сохранит мне жизнь. И не с городом, но с людьми у меня еще будут счеты - не личные, общественные, государственные. А если без меня – то они тоже будут.

21 октября 1941 г.

Я еще раз убедился, что когда человек сочетает в себе ум, силу и красоту – он добр, т.к освобожден от бессилия и уродства.

24 октября 1941 г.

Вчера исполнилось 3 месяца, как уехала Ксеночка и около 4 – Юрик. Родненские мои! Как я люблю вас обоих и сколько горя, лишений и страданий Вам причинил. За что я был груб к тебе, моя доченька, за твою любовь, за твою чуткость и самоотверженность ко мне!

Мой дорогой Ксеночкин сыночек! Ты мой умненький, тихонький и послушный, самостоятельный малычик – видел во мне только грусть; Ласка, отцовская ласка была для тебя большой редкостью. Неужели я не любил тебя? Нет, сынок, любил! Любил глубоко и чутко, но я не показывал своих чувств, хотел, чтобы ты был лучше всех! Ты и был почти таким, но несколько особенным, более доступным для понимания матери – нашей Ксеночки. Если только судьба будет милостива к нам, то во мне вы увидите другого отца и мужа. Я

возмешу вам ваши страдания и ваше горе. Я постараюсь сделать все, что только может сделать человек! Будем надеяться, что все для Вас обойдется хорошо.

6 ноября 1941 г.

Сегодня 10 лет с тех пор, как Ксаночка стала моей женой. И первый раз мы в этот день не вместе. Где бы я не был, куда бы не ездил, но в этот день я бывал дома. Этот день всегда был праздником. Сегодня тоже праздник, но грустный. Весь день грустно, тоска так гнетет, что просто не находишь себе места. Прости мне мою грубость и иногда бессердечие и нечуткость. Правда, в большинстве это было напускное. Ты это знала, хоть и придавала порой большое значение даже тону. Но ты любила и прощала.

20 ноября 1941 г.

Родная моя! Как было бы хорошо, если бы ты была здесь, вместе со мной. Доченька моя, солнышко мое! Ты, только ты была и будешь моей любовью, моей жизнью! Ты у меня одна и ею останешься. Женушка моя умненькая! Как глуп человек, когда не осознает своего счастья, находящегося в его руках. Я всегда был скончен к тебе и к Юрику в проявлении нежности. Это отпечаток моего детства. Но ты знала, что я тебя люблю, и знала, что во мне много нежности и самого глубокого чувства к тебе.

23 ноября 1941 г.

Я любил и люблю тебя до последнего дыхания и нет на земле кого-либо, к кому я питал бы такие чувства! Без рисовки - ты мне дороже жизни, даже дороже света, без которого я согласен трижды умереть.

1 декабря 1941 г.

Сегодня 9 лет, как родился мой сыночек – наш сыночек. Черненький, как я ждал тебя 9 лет назад. И кто знал, что будешь именно ты, как был обрадован телеграммой о твоем рождении. Мне удалось приехать спустя несколько дней. Ты был такой маленький, черненький и любимый. Это было в тяжелые дни-дни нужды и голода. Я в то время учился. Впрочем, и учиться заставила меня она – наша родная Ксаночка! И только ее нужно благодарить за это! Друг мой! Если вы оба будете счастливее меня, то ты, Юрик, никогда не забывай, что мамочка делала для тебя все, и ты должен ее любить и охранять всю жизнь. Ты мне обещаешь это? Знаю, что да. Но я все же надеюсь, что скоро мы тебя увидим. Скоро вся эта поганая нечисть покатится обратно и заплатит кровью за все свои грязные дела, в два раза большей кровью за нашу русскую кровь. Сынок, люби Родину.

21 декабря 1941 г.

Сегодня прочитал в «Красной Звезде» от 11 декабря, что в Одессе оккупационные власти обеспокоены отсутствием воды для питья и тем, что в связи с этим распространяются эпидемии. Значит не умеют хозяйничать, сволочи, на чужой земле, так же как и на своей. Значит мы все же много делали по водоснабжению в условиях осужденной Одессы.

31 декабря 1941 г.

Итак, сегодня канун 1942 г. Старый год, год несчастья не только личного, но и год бед для всех советских народов. Проклятый год уходит в историю с тем, чтобы никогда больше не возвращаться. Нет, сегодня не будет поднят стакан за старый год. Мы будем приветствовать лишь Новый год, год, который принесет нам победу и с нею счастье. В этом я уверен. Это третий Новый год, который я встречаю без Ксаночки. Но так грустно и тоскливо никогда еще не было. Как наяву вновь вижу все встречи за всю нашу совместную жизнь.

1938 г. Одесса.

Встреча в узком семейном кругу. Скромно, но лучше, чем все остальные встречи как до того, так и после. Прошедший 1937 г. был хорошим годом. В Одессе Ксаночка показала себя таким искренним другом и такой любящей женой и матерью, что даже для меня это было откровением. Оба мы работали. Юрик ходил в детский сад. Рос и умнел. Воспитание его было возложено целиком на Ксаночку. Здесь ей удалось наконец-то осуществить устройство семейного очага, с возможным уютом обставить его. Здесь, дома, первый раз в жизни я чувствовал, что я действительно дома. Я стремился домой. Здесь я день ото дня все сильнее чувствовал любовь к Ксаночке. Глубина этого чувства с каждым днем увеличивалась. И она, моя доченька, это чувствовала, но она всегда любила меня больше. Здесь мы поменялись ролями. Но оба мы любили горячо и пылко. И наш сыночек! Он рос и креп на вольном воздухе, набирался ума, но оставался наивным, до смешного наивным мальчиком.

31 декабря 1941 г.

Ты, моя родная! Ты была всю жизнь единственным, бескорыстным другом, матерью, женой, и только тебя одну я любил всегда искренно и нежно. Да и как было тебя не любить - тебя, заменившей мне всех и вся. Для того, чтобы ты полностью поняла мое чувство к тебе, нужно объяснить тебе его. Я хочу надеяться, что ты поймешь меня и правильно истолкуешь. Ты знаешь, что по натуре я грубый, неотшлифованный человек, эгоист, большой эгоист. Злость, грубоść, вспыльчивость шла рука об руку с добротой. Наказание шло с жалостью. И нередко я, лишаясь нужных мне предметов, заработков, денег, сам отдавал их другим, даже людям, не бывшими моими приятелями. Друзей, ты знаешь, у меня не было: я был слишком самостоятелен и непримирим в спорах и суждениях – это их от меня отталкивало. Ни разу в жизни я не был предателем или человеком, способным подвести другого. Однако при открытых действиях был непримирим: люди боялись именно за это.

Я же самый строгий и самый знающий критик самому себе. Я - беспредельный эгоист. Добрый бывал часто, но почти всегда тогда, когда мне это было выгодно по той или иной причине. Черствость же моя не знала до жизни с тобой предела. Внутри себя я был черств, как прессованная подметка. Себя я внутренне любил больше всех, но наружно это не было видно: хитрости хватало. Кроме всего, я был артистом в жизни, даже с начала жизни с тобой. Я хорошо умел скрывать свои чувства и нередко под маской грубоści прикрывал любовь и наоборот, любовью - грубоść. Но любил я тебя всегда. Так вот, родненькая моя, любимая крошка! Так было. Но я стал более человечным, менее эгоистичным и грубым под твоим влиянием. Ведь если раньше я служебные неприятности переносил домой, то за последние годы я был на службе одним человеком, а дома совершенно другим - таким, что если бы об этом знали подчиненные, то ни один из них не поверил бы. Из строгого начальника я превращался в ласкового веселого мужа, редко отца.

Ты сама не знаешь себе цены. Гордись, родная, любимая моя. Такая жена, мать, человек, друг, как ты, большая редкость. Женщины, подобной тебе, нет. Ты замечательный человек во всем: умная, веселая, неунывающая, самоотверженная, целеустремленная. Для меня ты была находкой. Ты меня перековала и переделала. Ты заставила меня учиться и сделала из меня инженера, более культурного человека.

Солнышко мое утреннее! Звездочка моя нежная! Кто знает, что нас ожидает. Может быть, меня не станет: ведь я до конца выполню свой долг, долги русского человека, долг советского воина. Знай, что ты бесценна. Капелька моя! Если же будет хуже: не будет и Юрика, то я беру с тебя слово, что ты будешь жить – это ты мне обещай. За Вас, за вашу жизнь, я, человек, не веривший в бога, молюсь ежедневно, в любом месте, вечером или ночью, ложась спать, и осеняю себя крестным знамением. Я верю, что все вы будете живы и здоровы.

31 декабря 1941 г.

Заканчивая год, я хочу закончить и дневник. Вел я его просто так: было много свободного времени, много дум, с которыми поделиться было не с кем. Здесь записано все, что я пережил за это время.